

НИЛ БОРН

КСЕНОЛИНГВИСТ: СКАЗАНИЕ О ТРИАДЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Нил Борн

Ксенолингвист: Сказание о Триаде

«Автор»

2026

Борн Н.

Ксенолингвист: Сказание о Триаде / Н. Борн — «Автор», 2026

Хорошо в огромной Галактике знать иностранные языки, особенно если это языки инопланетных рас. Плохо, если судьба этих рас внезапно ложится на плечи студента-ксенолингвиста, который буквально "мимо проходил", когда вокруг творилась история, плелись межпланетные заговоры и совершались кровавые убийства. Что делать, если ты - не герой, не был им и не собираешься становиться? Как поведёт себя Эдвин Артейн, весьма посредственный выпускник Высшей Тилльской Академии, узнав, что ему пытаются навязать долг спасителя Галактики, когда вокруг буквально рушится мир, а всё, чего он сам хочет - это тёпленькое место и быструю карьеру?_____ От автора: Я от всей души хочу рассказать вам эту историю, дорогие гости. И я очень надеюсь на ваш интерес и обратную связь. Спасибо! :)

© Борн Н., 2026

© Автор, 2026

Нил Борн

Ксенолингвист: Сказание о Триаде

Глава 1. Лучшая новость в жизни

ГЛАВА 1. ЛУЧШАЯ НОВОСТЬ В ЖИЗНИ

– Марийский регион, Калуанская система, система Паралай и... – Эдвин прикрыл глаза, чувствуя, что правильный ответ вертится на языке, однако вспомнить его он никак не мог. – Пространство Анеску?

– Серьёзно? – доктор Иш'шиббу, немолодой уже даже по тевларским меркам профессор, откинулся в кресле, раздражённо втянув воздух продолговатыми вертикальными ноздрями и прищурился узкие жёлтые глаза на морщинистом сером лице, как делали все представители его расы, когда нервничали. – Я спросил о кнатском секторе Галла, значит...

– Да, точно... – разочарованно выдохнул Эдвин, понимая, как глупо сейчас выглядит. – Галла-1. Конечно же, ещё Галла-1...

Подходил к концу шестой и заключительный год обучения в Высшей Тилльской Академии на Тилле, так что на курсантов легли огромные нагрузки. Преподаватели требовали столько, будто от каждого выпускника уже завтра будет зависеть как минимум судьба галактики. Впрочем, жаловаться не имело никакого смысла: поступить в академию мог далеко не каждый, а вылететь за малейший проступок было проще простого, так что Эдвин по праву мог считать себя обладателем счастливого билета в жизнь, ведь большинство его сверстников в лучшем случае могли рассчитывать на один из второсортных планетарных центров образования, которые Третья Федерация в последние годы активно пропагандировала. Учили в них сносно, но надеяться на приличную работу с таким дипломом не приходилось, поэтому все, кто мечтал о деньгах, карьере и славе, стремились любой ценой пробиться в число элитных курсантов академии.

– Эдвин Артейн... – протянул доктор Иш'шиббу, опустив взгляд на планшет, лежащий на столе перед ним, и принялся с огромной скоростью постукивать по экрану всеми четырьмя пальцами. – Что тут у нас? Палеолингвистика - восемьдесят четыре балла, геоллингвистика - семьдесят семь, тевларские языки - восемьдесят два, а вот...

– Я понял, профессор, – не выдержал Эдвин, – мне стоило лучше учить астрографию. Простите, но я – ксенолингвист, и вы должны понимать, сколько сил уходит, чтобы добиться таких баллов по основным предметам.

– Во-первых, вы ещё никакой не ксенолингвист, – тевларец вновь вдохнул с тихим свистом и прищурился, отчего его пепельно-серое морщинистое лицо стало ещё более неприветливым, – а во-вторых, результаты ваши не столь высоки, как вам кажется. Для человека вы, похоже, довольно сообразительны, но не более. Вам не хватает усердия, Артейн. А ещё было бы неплохо научиться скромности и этикету. Какой смысл в умении отличать марийское наречие кнатского языка от его калуанской версии, если вы не способны вовремя замолкнуть? Помните моё слово, Артейн: Вы наживёте себе проблем, говоря на любом языке.

Эдвин умолк. В голове его сейчас крутился прошлогодний скандал, когда, будучи зрителем во время выступления доктора Иш'шиббу перед гостями академии, он при всех указал на ошибку почётного профессора в переводе названий некоторых планет. Мало того, что Эдвина тогда чуть не отчислили, так ещё и отношения с педантичным тевларцем были безнадежно испорчены.

– Что с выпускным проектом? – поинтересовался доктор Иш'шиббу и прищурил жёлтые глаза сильнее обычного, будто надеясь услышать плохие новости.

– Завтра вылетаю на Поррим-4, – буркнул Эдвин. – Уже заканчиваю, поэтому ментор решила сама проконтролировать.

– Кто ваш ментор? – равнодушно спросил преподаватель, вводя в свой планшет персональный код и намереваясь уже выставить оценку за экзамен.

– Доктор Арманда Райли.

– Р-райли? – голос тевларца слегка надорвался, а ноздри на сером лице нервно задёргались. – Она снова берёт подопечных?

Эдвин знал, что между его ментором и доктором Иш'шиббу не всё гладко уже лет сорок, ещё со времён Сидарийского кризиса, когда права тевларцев на территории Третьей Федерации существенно ограничили. Доктор Райли в те годы входила в правление академии, и её голос стал решающим, чтобы не допустить Иш'шиббу к посту ректора этого престижного учебного заведения.

Пока Эдвин раздумывал на эту тему, явно недовольный тевларец ввёл результат экзамена в свой планшет. Едва это произошло, галафон Эдвина, лежащий во внутреннем кармане его классической синей формы, подал сигнал, что оценка засчитана. Доктор Иш'шиббу явно не горел желанием продолжать разговор, скрестив руки на груди и нервно глядя в окно. Эдвину почему-то представилось, как профессор с радостью удушил бы его сейчас своими костлявыми серыми пальцами, поэтому курсант поспешил покинуть экзаменационный кабинет как можно скорее. Проверять оценку почему-то не хотелось.

День стоял отличный. Иногда Эдвин неподдельно радовался тому, что жил именно на Тилле. Здешний климат был относительно комфортным и умеренным на всей территории планеты, а ресурсов вполне хватало, чтобы обеспечить многочисленные потребности общества, отчего именно сюда в непомерном количестве стремились гости, туристы и вообще все, кто хотел окунуться в бурную жизнь густонаселённого мира. Сейчас же эта лесная планета казалась до боли родной и даже немного тесной, и душа требовала идти вперёд к большому будущему. Но, всё равно, это был хороший мир.

– Пятьдесят один?! – невысокая коренастая девушка со слегка смугловатой кожей изумлённо и разочарованно посмотрела на экран галафона, когда Эдвин нехотя показал ей результаты. – Вот ведь расист поганый!

– Кора, – скорчив раздражённую гримасу, Эдвин опустил на длинную металлическую скамью, какие во множестве стояли в сквере академии среди синих деревьев, – я там реально слабо сдал...

– Но не на нижний проходной же... – не переставала возмущаться Кора, одетая в точно такую же, как и Эдвин, синюю академическую форму. – Он просто мстит доктору Райли, а ты попадаешь под огонь, понимаешь?

– Да я и сам нарвался тогда... – будущему ксенолингвисту явно не хотелось развивать эту мысль, и он улыбнулся Коре в надежде, что та переключится на что-нибудь другое.

Тут, к слову, стоит немного рассказать о самом Эдвине Артейне. Теперь уже двадцатидвухлетнему молодому человеку довелось родиться на планете Тилл в семье советника губернатора по экологическим вопросам. Отец, Марвин Артейн, почти всё время отсутствовал, посещая по долгу службы самые отдалённые уголки мира, и рос мальчик с матерью, которая искренне считала, что учёба является главным и единственным шансом в жизни. На самом деле, можно было бы решить многие вопросы, используя отцовский статус, но советник Артейн принципиально отказывал сыну во всём, что требовало бы использования служебного положения. Больших талантов к наукам, искусству или военному делу Эдвин так и не проявил, а потому, закончив стандартный курс обучения в одной из местных школ, решил податься туда, где мог рассчитывать на более-менее понятные перспективы и карьеру. Ксенолингвистика требовала строгой дисциплины и блестящей памяти, и если первым Эдвин похвастаться ну никак

не мог, то второе в случае с языками у него работало очень хорошо. И вот сейчас этот среднего роста худощавый темноволосый парень с карими глазами на непроизвольно ухмыляющемся лице сидел в академическом саду и думал о том, что сегодня был сдан последний экзамен, и от заветного диплома его отделяет только полёт на Поррим-4, так необходимый для завершения выпускного проекта.

– Я эту астрографию вообще не знаю, – пожал плечами, Кора села рядом с ним, – но у меня там за семьдесят... или даже больше. Он же тебя просто завалил!

– Плевать, – отмахнулся Эдвин, внутренне понимая, что и вправду заслуживал куда более высокой оценки. – Слушай, ты же что-то сказать хотела? Извини, что утром не ответил...

– Точно... – Кора картинно поправила выкрашенные в серебристый цвет волосы. – Мама вчера сказала, что смогла договориться, и меня берут в Красный Департамент. Представляешь?

Эдвин и Кора дружили ещё со школы. Молодой человек прекрасно понимал, что та испытывает к нему симпатию, но определённо недооценивал масштабов этого явления. Кора никуда не исчезла, когда Эдвин встречался с однокурсницей в академии, была рядом, когда он крутил роман со жгучей полупрозрачной вируанкой, приехавшей по обмену с другого конца Федерации, и стойко вытерпела полугодовой эпизод, когда отец пытался женить его на одной из многочисленных дочерей своего друга-министра. Интерес Кору был Эдвину по-своему приятен, но она всегда казалась ему какой-то естественной частью жизни, без которой было бы очень непривычно, но и сблизиться с которой как-то не хотелось. Выдающейся красавицей Кору нельзя было назвать ни по человеческим, ни по иным меркам, но вот преданности девушке было не занимать.

– Красный Департамент? – удивился Эдвин. – Они же военные! А как же всеобщее благо, мир во всём мире и всё такое?

– Ну, я же не на фронт, – рассудила Кора, снова пожимая плечами. – Через месяц защита проекта, получаю диплом и иду в инженеры. Буду служить на ремонтной базе. Думаю, на «Атилле» или в «Оазисе». Хорошо бы в «Оазисе», конечно: так мы с тобой могли бы...

– Сменишь синюю форму на красную? – усмехнулся Эдвин, понимая, как это дико звучит, учитывая миротворческие взгляды девушки и чисто военное значение красного цвета, принятое в Третьей Федерации. Кроме того, он надеялся, что немного собьёт её с мысли.

– Ты не понимаешь, – нахмурилась Кора. – Поддержание техники Федерации в хорошем состоянии - первый шаг к завершению конфликта. Служба в тылу несёт не меньше пользы, чем сражение на фронтах. Каждый может внести свой вклад.

– Звучит, как рекламный слоган, – фыркнул парень. – Постой-ка, это и есть рекламный слоган! Никогда бы не подумал, что ты на всё это купишься.

– Эдвин, – Кора проигнорировала насмешку, – я тут вот о чём подумала... Ты же планируешь работать там же... Ну, помнишь, ты говорил, что хочешь начать карьеру в посольстве на Эттере? А «Оазис» на её орбите... Мы могли бы видеться по выходным. Ну или даже просто так друг к другу заглядывать...

Да, Эдвин такое говорил. Его ментор, доктор Райли, несколько раз давала понять, что текущую войну, как бы ужасна она ни была, можно использовать, чтобы проявить себя на самых ранних этапах карьеры. Затяжной конфликт Кнатской Империи и родной для Эдвина Третьей Федерации почти исчерпал силы обеих сторон, и в последний год политики всё чаще поднимали вопрос переговоров, которые то и дело проходили на различных планетах по всей линии фронта... пусть пока что и без особых успехов. Эттера, только что упомянутая Корой, за время войны стала своеобразным островком мира, так как юридически являлась удалённой территорией нейтрального в этом конфликте Протектората Негулон, где эмиссары и парламентарии сражающихся сторон могли встречаться в более-менее спокойной обстановке. Само собой, переговорный процесс требовал лучших переводчиков, и Эдвин весьма рассчитывал попасть на Эттеру сразу после окончания академии. Орбитальная ремонтная станция «Оазис»,

что самое интересное, принадлежала именно Федерации, хотя и вращалась вокруг планеты Протектората. Эдвин уже не помнил, как так получилось, но это место определённо могло стать для Кору лучшим шансом применить свои инженерные таланты «для всеобщего блага», как она любила говорить.

– Что скажешь? – неуверенный голос Кору вторгся в его размышления.

– Я... э... – Эдвин почувствовал себя так, будто вернулся на час назад и снова сидит перед доктором Иш'шиббу. – Да, было бы здорово... Но я пока не знаю... Туда ещё надо попасть, а потом неизвестно ещё, как всё сложится... я, наверное, вечно буду в разъездах...

Последний год воспринимать Кору становилось всё тяжелее. Она определённо была хорошим товарищем и незаменимым во многих ситуациях человеком, но Эдвин чувствовал, что так продолжаться не может. Будущий ксенолингвист прекрасно понимал, что девушка не просто так годами ходит за ним, игнорируя даже тех редких поклонников, которые иногда появлялись на её горизонте.

– Да брось ты, – отмахнулась явно обнадёженная Кора. – Значит, договорились. По такому случаю приглашаю тебя завтра в «Афродиту». Отметим последние экзамены?

– Любопытное, кстати говоря, название... – на секунду отвлёкся Эдвин. – Знаешь, откуда произошло? Еще с первого года геоллингвистики помню. На Земле... ну, на Старой Земле, ты понимаешь... короче, у них так звали богиню. Спорим, владелец «Афродиты» понятия не имеет, почему так её назвал? Уверен, ему просто слово понравилось. Тот язык, кстати говоря...

Эдвин осёкся, увидев взгляд Кору. Она понимала в структуре древних языков примерно столько же, сколько он в лучевых двигателях, о которых девушка могла говорить часами, но сейчас Кора смотрела на него с лёгкой улыбкой, какая бывала на её лице, когда ей всё-таки удавалось вызвать у Эдвина интерес к каким-либо её словам.

– Да, конечно, завтра в «Афродите». Вечером?

Кора кивнула, они ещё пару минут поговорили, после чего разошлись на вполне доброй ноте. Девушка спешила к себе в нижние кварталы в слегка окрылённом состоянии, а вот Эдвин понимал, что, похоже, родная планета Тилл в лице Кору ещё долго его не отпустит, раз планирует достать даже на Эттере. Нет, конечно, он ценил подругу и временами даже скучал по ней, но она за эти годы стала будто бы олицетворением всего того, в чём он рос и вырос, а теперь жизнь явно простирала перед ним новые горизонты, которые, как он надеялся, несли с собой новые впечатления и новые встречи. Не то чтобы Коре не было места в его планах, просто он частенько представлял, как встречается с ней лет через десять, рассказывает о себе и с неподдельным интересом слушает о ней. Но не вместе же проводить все эти десять лет...

«Стоп! У меня же вылет утром!» – вдруг спохватился Эдвин, оглядываясь в поисках Кору, но девушка уже успела скрыться за сверкающей всеми огнями рекламной вывеской, каких было множество на улице, тянущейся от академического сквера. «Ладно, завтра уже напишу. Перед вылетом», – мысли об экспедиции на Поррим-4 вновь заняли всё его сознание, и Эдвин решил, что Кора простит ему эту маленькую непунктуальность. В конце концов, не первый раз же.

Квартира семьи Артейн располагалась на сто двенадцатом этаже белоснежного небоскрёба в самом центре города Маханна, столицы планеты Тилл. Город почти целиком представлял собой деловой центр с десятками исторических районов и парой сотен жилых кварталов. Несомненно, на планете были также другие города и поселения, но именно Маханна становилась желанной целью для всех, кто хотел узнать Тилл по-настоящему. Густые синие леса, покрывающие почти всю поверхность планеты, плотно окружали белоснежную городскую застройку, отчего Маханна смотрелась издали поистине фантастически.

Войдя в застеклённый лифт, Эдвин назвал номер этажа, и принялся рассматривать город, плавно поднимаясь по наружной стене небоскрёба. Вон там резиденция губернатора, чуть

дальше туристический центр, а недалеко от жилых районов его старая школа. Да уж, додумался же отец отправить его именно туда. Нет, образование он получил неплохое, но эти отцовские странности... «Нельзя, чтобы люди подумали, что ты особенный. Учись наравне со всеми. Я так учился, и ты сможешь!» – обожал повторять Марвин Артейн. Забавно, что он спокойно поступился принципами, когда, по его мнению, Эдвину стоило жениться: министерская дочь, видимо, не нарушала правило «быть, как все».

«Энергетические батончики «Лимбо» теперь со вкусом апельсина!» – на информационном экране лифта появился довольный смуглый мужчина, отдыхающий на фоне тропического пляжа. – *«Попробуй «Лимбо» прямо сейчас! Ощути вкус Старой Земли!»*

Эдвин вздрогнул от неожиданности. Рекламу только на днях загрузили в интерфейс лифтов, и он пока не успел к ней привыкнуть. Мужчина на экране довольно наслаждался озвученным продуктом, демонстрируя всем своим видом крайнее блаженство. Батончики эти по глубокому убеждению Эдвина были полной дрянью, а потому он с радостью вышел на своём этаже, как только открылись двери. «Интересно, откуда они знают вкус апельсина?» – подумал юноша приближаясь к своей квартире. Сомнения его были оправданы, ведь большая часть растений Старой Земли до нынешних дней просто не сохранились.

– Эдвин Артейн, – он громко произнёс своё имя перед дверью.

«Пожалуйста, повторите...» – откликнулся мягкий механический голос.

– Эдвин Артейн! – раздражённо ответил будущий ксенолингвист, не понимая, что именно эта суперсовременная технология не смогла распознать в первый раз.

«Гость не определён...» – произнёс всё тот же голос.

Обречённо вздохнув, Эдвин подошёл к электронной панели на стене и приложил к экрану большой палец. Процедура эта занимала почти полминуты, поэтому обычно голосовое управление было удобнее.

– Это ты, сын? – послышался из глубины квартиры голос матери, едва Эдвин шагнул за порог.

Пройдя в дальнюю комнату, окна которой выходили на восточную часть Маханны, почти утопающую в синей листве, юноша увидел мать, сидящую в кресле с галафоном в руках. Литта Артейн была уже весьма немолода, но в её угловатом лице безо всякого труда угадывалось сходство с сыном.

– Звонила доктор Райли, – мать не стала отрываться от галафона, явно ища там что-то важное. – Она сказала, что ты не отвечаешь, и напомнила, что завтра в одиннадцать часов утра вылет на Поррим-4. Она ещё сказала, чтоб ты взял все наработки и записи. И ещё... погоди... где же это...

Эдвин проверил свой галафон, но пропущенных звонков или непрочитанных сообщений на нём не было. Удивительно, что ментор не смогла до него дозвониться. Он в ожидании смотрел на мать, понимая, что спокойного вечера не получится. Даже странно, что уже завтра начинается последнее испытание. Казалось, эти шесть лет в академии пролетели как один день.

– Нашла! – Литта Артейн торжествующе посмотрела на сына. – Она оставила сообщение. Не понимаю, что это.

«Энок хили, энок хилили, тартими вита хили!» – на аудиозаписи Эдвин сразу узнал высокий и требовательный голос ментора, говорящей на филарском наречии.

– Что-то важное? – забеспокоилась мать, увидев его озадаченное лицо.

– Да... в смысле, нет... – отмахнулся Эдвин. – Говорит, чтоб я перепроверил все данные и ничего не забыл. Беспокойся.

Само собой, Эдвин слукавил, и в общих чертах слова доктора Арманды Райли переводились так: «Ты – лентяй, ты – самый ленивый, кого я знаю. Смотри, чтоб твоя лень не запошла всё дело». Вообще-то, критика была оправдана, ведь в последний год Эдвин почти не продвинулся по проекту, а уникальные слова и обороты, которые нужно было собирать и ана-

лизировать в удалённых мирах, сами по себе изучаться никак не хотели. Из десяти необходимых экспедиций Эдвин побывал только в трёх, вместо этого уделяя внимание симпатичной третьекурснице и вечным баталиям с отцом. Зная это, доктор Райли справедливо полагала, что окончание её подопечным Высшей Тилльской Академии станет ничем иным, как плодом её дипломатических талантов, когда придётся убеждать выпускной совет выдать Эдвину диплом за откровенно слабое исследование.

– С Эттеры не звонили? – юноша слегка закусил губу, выдав тем самым своё волнение.

– По твоей заявке? – сочувственно откликнулась мать. – Нет, пока никаких новостей. Я тебе ещё раз говорю: они не рассмотрят твою кандидатуру, пока не получишь диплом. Потерпи месяц, сын. Всё будет.

Месяц... месяц на Порриме-4 с самой независимой и одновременно самой требовательной преподавательницей академии. Этим вечером Эдвина беспокоили лишь такие мысли, и он бы ни за что не поверил, если бы узнал, что это последний его день в Маханне и вообще на Тилле. Он и представить не мог, что больше никогда не увидит ни мать, ни отца, ни друзей, ни даже действующего на нервы доктора Иш'шиббу. Да и разве можно что-то предугадать, когда ты – лишь один из миллиардов разумных обитателей бесконечной галактики?

«Доброе утро, господин Артейн! – мягкий голос домашней системы разнёсся по комнате, буквально выдёргивая Эдвина из глубокого, но определённо беспокойного сна. – Планетарная дата: 48 день, 3207 год. Десять часов утра».

Уже несколько столетий люди считали годы по старым принципам, не прерывая его со времён обитания в галактике Млечный Путь. К счастью, все пригодные для жизни планеты были примерно равны Старой Земле по основным параметрам, отчего продолжительность года практически соответствовала той, какая была в давно оставленном людьми мире. А вот от месяцев отошли, ведь климат на планетах был разный и сменяемость сезонов едва ли соответствовала старым представлениям. Таким образом, три тысячи двести седьмой год был сейчас на всех планетах Третьей Федерации, пусть и с небольшими погрешностями. Конечно, существовали ещё всеобщие астродаты, принятые в космическом пространстве, чтобы сделать контакты с другими цивилизациями и культурами более-менее понятными, но внутри своих границ Федерация придерживалась традиционного планетарного календаря.

– Десять?! – Эдвин в панике подскочил с кровати, больно ударившись головой о настенную полку. – Я же сказал разбудить в восемь! Тупая система...

«Прошу прощения, – спокойно откликнулся механический голос. – Я запущу программу диагностики и обновления».

Эдвин раздосадованно потёр ушиб и понял, что о принятии душа не могло быть и речи. Он принялся наспех закидывать в походный кейс приготовленные с вечера планшеты, записи и справочники. Туда же отправились пара комплектов свободной одежды и запасная академическая форма. Натягивая свой синий китель, юноша бросил взгляд в фотонное зеркало, привезённое отцом из командировки, и понял, что похож на кого угодно, но только не на respectable переводчика, которым планировал стать. Предвидя недовольство доктора Райли, он поправил на груди значок академии, надеясь не нарваться на критику.

– Сколько у меня на счету? – обратился он к безликой программе дома.

Ответа не последовало. Ну, конечно: системе ведь именно сейчас захотелось обновиться. Эдвин схватил с прикроватной тумбочки свой галафон, проверяя баланс. Тринадцать тысяч геонов... и ещё около тысячи на студенческом счёте... На месяц должно хватить. В худшем случае, можно будет написать матери.

«Я уже в порту. Ты где?» – всплыло на экране галафона сообщение от доктора Райли.

– Да лечу я, лечу... – раздражённо пробормотал Эдвин, впопыхах оглядывая комнату.

Отвечать ментору прямо сейчас он не планировал, так как её ругани, вероятно, в любом случае не избежать, а так хотя бы можно было оттянуть момент. Галафон показывал двадцать две минуты одиннадцатого.

– Мама, я побежал! – крикнул он куда-то в пустоту огромной квартиры, не зная, что Литта Артейн ушла пару часов назад. – Напишу, как взлетим!

Выскочив из квартиры, Эдвин побежал в направлении террасы, которая имела на каждом этаже и предназначалась для парковки аэротакси. Оно было существенно дороже, но и куда быстрее ультрамобилей, ползущих по наземным трассам. Неловко поприветствовав кого-то из соседей, Эдвин, запыхавшись, выскочил на террасу и нажал на жёлтую кнопку специального терминала.

«Повышенный спрос. Трудности перелётов в районе порта. Стоимость услуги – две-сти двадцать геонов» – проинформировал терминал. Цена бешеная, но выбора не оставалось. Эдвин нервно поглядывал с высоты на город и ждал, когда же один из аэромобилей устремится в его сторону. Наконец, это произошло, и юноша, впихнув на заднее сидение свой кейс, принялся проверять сообщения в галафоне. Мама написала ещё в половине девятого, уверенная, что он проснулся. Отец хмуро желал удачи с экспедицией. Доктор Райли... ну конечно, от неё было уже шесть сообщений – все примерно одного содержания.

– Долго ещё? – видя, что до отправления остаётся чуть больше двадцати минут, Эдвин принялся нервно рассматривать город с высоты, в очередной раз отмечая контраст синей листвы и слепяще-белой архитектуры.

– Желаете автопилот? – раздражённо парировал таксист, плотный темнокожий мужчина, недовольный тесным воздушным движением не меньше Эдвина.

Не став пререкаться, юноша прикрыл глаза и задумался. Поррим-4... одна из самых удалённых планет Третьей Федерации и место обитания нескольких сотен тысяч аборигенов-филаров. Несмотря на то, что основным населением государства были люди, инопланетян с их культурой, языком и обычаями тоже хватало. История Федерации насчитывала уже более шести столетий, и за это время в её состав кто только ни входил.

Космопорт встретил Эдвина шумом погрузчиков, множеством голосов прилетающих и улетающих горожан, а также холодным взглядом ментора. Доктор Арманда Райли, высокая пожилая женщина с туго затянутыми на затылке седыми волосами, одетая в строгий синий костюм, подобающий академическому профессору, недовольно указала на информационное табло, показывающее пять минут до отправления.

– Простите, профессор... – неловко выдавил он из себя, но тут же умолк, видя, что ментор явно не настроена на беседу.

Резко развернувшись, она быстро направилась к небольшому жёлто-коричневому пассажирскому кораблю класса «Вектор», стоявшему на третьей платформе. Поррим-4 был не самым популярным направлением, так что следующего рейса, вероятно, пришлось бы ждать несколько недель. К борту уже почти никто не подходил, из чего было ясно, что посадка почти закончена. Это дико раздражало профессора, но она явно пыталась сдерживаться, как могла.

– Ваши билеты, – улыбнулась встречающая их стюардесса.

Доктор Райли активировала свой галафон и продемонстрировала информацию на экране.

– Всё верно, – улыбнулась девушка, – мы ожидали только вас. А ваш билет?

Внутри Эдвина что-то оборвалось. Билет! Мать заказывала его с домашней системы, которая с утра начала барахлить и встала на диагностику, а парень не успел скачать его на галафон. Позднее пробуждение, поспешные сборы – и вот результат.

– Ваш билет, господин? – вновь уточнила стюардесса.

– Вот он, – доктор Райли вновь показала что-то на экране и вошла внутрь корабля, даже не посмотрев на своего студента.

Эдвин виновато улыбнулся бортпроводнице и поспешил вслед за ментором, которая стремительно шагала между рядами багажных контейнеров к жилому модулю. Перелёт до коридора на Поррим-4 занимал два астродня, и пассажиры обычно проводили это время в отдельных или общих каютах.

– Профессор, Вам билет мама отправила, да? – неловко уточнил Эдвин, понимая, что в свои двадцать два выглядит перед наставницей совершенным ребёнком.

– Да, – недовольно ответила доктор Райли. – Как чувствовала.

Ментор отправилась в свою каюту на втором уровне, а Эдвин вошёл в свою. Помещение оказалось трёхместным, но оба его спутника, тоже совсем молодые люди, уже заняли свои места в криокамерах и крепко спали. Эдвин терпеть не мог криосон и уж тем более не понимал, как можно подвергать свой организм таким нагрузкам ради каких-то пары дней, а потому просто расположился на койке, соответствующей номеру в билете. Пластиковые стены каюты разительно отличались от дорогих материалов, из которых был построен его дом на Тилле, однако обстановка таинственным образом подбадривала и внушала надежду на будущее.

«До отправления одна минута!» – из небольшого динамика над входной дверью прозвучал записанный женский голос. – *Внешняя связь будет недоступна в течение двух астродней. Приятного полёта!»*

«Кора!» – Эдвин ошарашенно сообразил, что забыл сообщить подруге про свой сегодняшний вылет, и что их совместный вечер в «Афродите» уж точно никак не состоится. Юноша торопливо схватил галафон и принялся диктовать сообщение, но посреди его фразы на экране возник мигающий красный символ – пилоты запустили лучевые двигатели, а значит связи больше не будет.

– Болтаем с очередной девчонкой? – на пороге появилась доктор Райли, уже оставившая вещи в своей каюте. – Пошли со мной, надо кое-что обсудить.

Доктор Арманда Райли отметила своё семидесятилетие несколько дней назад и пообещала коллегам по академии, что это последний её учебный год. Преподавание всё тяжелее вписывалась в её основную работу, связанную непосредственно с переводами. Ментором она и вовсе не желала быть, а Эдвина взяла на попечение только потому, что как минимум один курсант-выпускник полагался каждому профессору. Внешне доктор Райли не производила впечатление старой женщины: конечно, сказывались технологии тридцать третьего века, но, кроме того, профессор старалась держать себя в форме, приличной её статусу.

– Я бы, конечно, оставила тебя лететь на Поррим-4 одного... – начала профессор, когда они, пройдя по коридору между каютами, вышли на общую палубу.

– А мы уже туда не летим? – удивлённо спросил Эдвин, стараясь не отставать от наставницы, но и не опережать её.

– Не перебивай, – нахмурилась та. – Есть кое-какие изменения. В общем, я бы отправила тебя на Поррим-4, но ты же там без меня дальше ближайшей деревни не уедешь, верно? Прилети я через месяц, ты будешь сидеть в гостинице при космопорте и потягивать кигль, а из местных диалектов выучишь только меню в баре. Я права?

– Нет, что вы... – начал оправдываться Эдвин, вспоминая, что филары и вправду готовят шикарный кигль – особый сок из различных растений, вызывающий тот же эффект, что и алкоголь, но не приводящий к похмелью. – Погодите, а вы разве не летите со мной?

Доктор Райли присела на скамейку у стены общей палубы и жестом пригласила Эдвина разместиться рядом. Из этого положения был хорошо виден противоположный борт со множеством небольших прямоугольных иллюминаторов. Тёмную пустоту космоса, наблюдаемую через них, нарушал только вид постепенно удаляющегося Тилла, мерцающего синим цветом своих лесов даже с такого значительного расстояния.

– Я слышана о твоей ситуации на экзамене, – профессор скептически хмыкнула. – Доктор Иш’шиббу был излишне строг, как я понимаю?

Юноша не стал отвечать, догадываясь, что у ментора может быть любое мнение на этот счёт. Их конфликт с Иш’шиббу был гораздо старше самого Эдвина, поэтому стоило просто послушать.

– В первую очередь он – тевларец, Эдвин, а они от природы не склонны к забывчивости... и к прощению, – доктор Райли задумчиво посмотрела через иллюминатор. – Сидарийский кризис сказался на них по-разному, ты должен это понимать. Профессор Иш’шиббу сам по себе неплохой, но он не смог смириться с тем, как Третья Федерация поступила с его гордой расой. По-своему, он весьма несчастен: для нас он – тевларец, сделавший карьеру на своей родине и пытавшийся диктовать здесь чужую волю, а для Союза Тевлар он – предатель, ну или как минимум тевларец второго сорта. Такие, как он, сделали в своё время ставку на переселение, но их амбиции не оправдались. Когда парламент в Сидарии официально признал проблему тевларской культурной экспансии, Третья Федерация решила узаконить их статус именно в качестве гостей. Кто-то смирился, а кто-то внутренне так и не смог принять новую реальность. Выходит, тевларцы вроде доктора Иш’шиббу не имеют ни родины, ни дома.

Эдвин был не лучшим курсантом на лекциях по истории галактики, а занятия по Сидарийскому кризису и вовсе когда-то прогулял, так что слушал вполне внимательно. В целом он помнил, что Союз Тевлар – крайне закрытое, суверенное, фанатично-религиозное галактическое государство – никогда не стремилось к внешним контактам, а потому строго осуждало тех своих граждан, которые решили принести истинные учения во внешние миры. Ситуация тогда накалилась, и парламент, заседающий на Сидарии, столичной планете Третьей Федерации, поступил весьма радикально: всем тевларцам без разбора был присвоен статус беженцев, который автоматически лишал их возможности проповедовать, занимать руководящие посты или избираться во власть. Справедливости ради, в Третьей Федерации было полно инопланетян, но лишь высокие серокожие тевларцы с их огненно-жёлтыми глазами и длинными четырёхпальными руками удостоились такого притеснения. Самым тяжёлым для них стало то, что Союз Тевлар ответил на принятый Федерацией закон равнодушным молчанием, будто одобряя карательный жест в сторону своих бывших соплеменников, теперь предателей.

– Что-то я отвлеклась, – спохватилась доктор Райли. – Я это всё к тому, что мои трения с доктором Иш’шиббу не должны были влиять на твои результаты. Он винит меня за то, что не стал ректором академии. Отчасти это правда, ведь он баллотировался ещё за год до Сидарийского кризиса, но я чувствовала, что всё к этому идёт и голосовала против, чтобы он потом не терял своё место. В общем, теперь уже неважно... Так или иначе, ты немного пострадал из-за его старых обид, поэтому я предлагаю тебе некоторую компенсацию.

Эдвин в очередной раз с удивлением посмотрел на ментора: что-то он не припоминал за ней таких широких жестов.

– Я сейчас была у пилотов. На них вышел Жёлтый Департамент. Меня срочно вызывают. Думаю, в академии сказали, где меня искать.

Жёлтый Департамент, в отличие от Красного, куда ни с того ни с сего захотела Кора, занимался не военными действиями, а представлял собой дипломатическую службу Третьей Федерации. Эдвин хотел именно туда и знал, что доктор Райли нередко с ними работает в качестве переводчика, но не слышал, чтобы кого-то выдёргивали прямо с межпланетного рейса.

– Так вот, – продолжала профессор, – моего присутствия срочно требуют на Эттере. И я готова взять тебя, чтобы немного сгладить случившееся. Или всё-таки Поррим-4?

– Эттера?! – не удержался от радостного вскрика Эдвин. – Вы серьёзно?!

Несколько человек, что-то оживлённо обсуждавших на общей палубе недалеко от них, резко обернулись в сторону не в меру громкого юноши.

– О секретности в дипломатии ты явно не слышал, – покачала головой доктор Райли.

– Простите, – почти шёпотом ответил Эдвин. – Это лучшая новость в жизни!

– Хорошо, – сдержанно кивнула доктор Райли, как она делала всегда, когда намеревалась сказать что-то крайне официальное. – У меня два условия. Первое: наше отклонение от экспедиции займёт несколько дней, после чего мы возвращаемся на Поррим-4 и аврально завершаем твой выпускной проект. Второе: с этого борта нас завтра заберёт транспорт Жёлтого Департамента, а до того времени ты садишься за учебники и всё повторяешь. В прошлом году выпускница твоего факультета завалила проект не из-за плохого исследования, а из-за того, что не смогла вовремя ответить на вопросы по астрографии и галактической истории.

– Конечно! – с готовностью ответил Эдвин, даже не заметив, как ловко доктор Райли превратила свой извинительный жест в милостивую уступку. – А можно узнать, что там случилось? Ну, на Эттере...

– Департаменту требуется помощь с... с Тριάдой. А теперь иди и работай, Эдвин.

«С Тριάдой...» – раздумывал Эдвин, спускаясь на нижний ярус, медленно идя к своей каюте и всё ещё радуясь своему везению. Безусловно, любой в галактике знает о Триаде и её великой роли, но разве этот культ... нет, сообщество... орден... в общем, разве Триада реально в чём-то участвует? Интересно, что им могло вдруг понадобиться? Впрочем, сейчас нужно было как минимум не подвести доктора Райли, и Эдвин сел за учебники. А повторять было что...